

Элен Ош

СВЕКОР

Моя. И точка

Элен Ош

Свекор. Моя. И точка

<https://litres.ru/74213793>

Аннотация

Вся моя жизнь – сделка. Сначала с мужем. Теперь – с отцом. И никому нет дела до того, что я чувствую. Никому, кроме... Моего свекра.

Мой муж меня предает, а свекор – единственный, кто видит мою боль. Сегодня я делаю выбор: остаться в золотой клетке брака или шагнуть в порочные объятия человека, чья власть и страсть пугают и сводят с ума.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

(Герман Гордеев)

Черт, а я-то думал, в семь вечера в офисе уже ни души. Ан нет. Свет в кабинете Макса щелочкой пробивается. Отлично. Значит, сынок все-таки задержался, не зря я тащился сюда с этими чертовыми папками. Пусть разбирается с этим кошмаром по поставкам, раз уж он его устроил. Мне не жалко, я свое уже отпахал.

Дверь в его кабинет открываю без стука. С какой стати? Я тут главный, а он – мой наследник, который вечно норовит схалтурить.

И вот... Охуеть.

Стою на пороге, и мозг отказывается складывать картинку в единое целое. Макс развалился в кресле, голова запрокинута, глаза блаженно прикрыты. А у его ног, на коленях, пристроилась эта... новая его помощница. Брюнетка, жгучая, типа того. Юбка задрана, а голова мерно покачивается прямо у его ширилки.

Папка с документами чуть не выскальзывает у меня из рук. Секунда, и шок прогорает, как бумага. Его сменяет такая ярость, что в висках стучит.

– Максим, – говорю я тихо, но так, что аж стекла, кажется, звенят.

Он вздрагивает, глаза вылезают на лоб. Брюнетка резко

оборачивается, лицо перекошено ужасом. Понимаю, что сейчас начнется: «Отец, я могу все объяснить!».

Но мне его оправдания не нужны. Смотреть на эту похабщину противно.

– У тебя дома, – говорю я, и каждое мое слово, как пощечина, – молодая. Красивая. Жена. А ты тут развлекаешься с третьесортными шлюхами, вместо того чтобы делом заниматься!

С размаху швыряю папку на его стол. Листы веером разлетаются по всему кабинету.

– Отец, подожди...

– Заткнись! – рычу я, уже разворачиваясь на выходе. Спина будто чугуном налилась. – Чтобы твоего духа дома не было, пока не разгребешь этот завал с поставками! И чтобы я больше никого постороннего в своем офисе не видел!

Дверь за собой я не хлопаю. Я ее закрываю. С таким ледяным спокойствием, что мне самому становится немного страшно. Но внутри все закипает. Не из-за его непроходимой тупости. А из-за нее. Из-за Алечки. Из-за невестки.

Эта картина с брюнеткой режет глаза контрастом. Вспоминаю Алю: хрупкую, нежную, с глазами, в которых столько тепла. И мой сын, урод моральный, предпочитает ей вот это?

Черт. Нет, так дело не пойдет.

Сажусь в машину, с силой захлопываю дверь. Тишина салона оглушает. Тру лоб пятерней, а перед глазами она.

Алечка.

Вспоминаю ее в день свадьбы. Хрупкая, в белом платье, смотрела на моего ублюдка сына с таким обожанием... Как фарфоровая куколка, которую ставят на полку: красиво, но не трогают. Я же видел, как она смотрела ему вслед. Эти взгляды, пустые от невысказанного.

Я годами читаю людей, а эту девочку пронзить насквозь раз плюнуть. Она из тех, кто носит свою грусть не напоказ, а в самой глубине глаз. И сейчас она, наверняка, одна в этой большой квартире. Ждет его. Звонит, а он, сука, даже трубку не возьмет, потому что занят «жгучей брюнеткой».

Мой мозг, привыкший просчитывать все на два хода вперед, выдает следующую картинку. Она же дочь приличных людей, воспитанная, правильная. Ожидая мужа, как примерная жена, она не наденет что-то вульгарное. Ее оружие – нежность. А что может быть нежнее шелка? Конечно, она натянет какой-нибудь этот самый шелковый чехольчик, стыдливый и в то же время дразнящий, в надежде наконец-то достучаться до мужа. Чехольчик, который этот кретин даже не оценит.

И тут я ловлю себя на мысли. Очень четкой, физической. Я не просто представляю ее грустной. Я представляю ее... в этом самом чехольчике. Тонкие бретельки на бледных плечиках. Шелк, обтягивающий сочную, упругую грудь. Ее испуганные, невинные глаза, которые сейчас, наверное, на мокром месте.

В паху знакомо екает, по спине бежит горячий ток. Это

уже не просто гнев. Это что-то другое. Более темное. Более властное.

Мой сын не ценит то, что принадлежит моей семье. Он презирует свой самый ценный трофей. Так, может, этот трофей должен перейти к тому, кто знает ему цену? Кто понимает, как обращаться с фарфором, а не тыкать в него грязными пальцами.

Жалость к ней смешивается с животным возбуждением и жгучим желанием отомстить. Забрать то, чем он так легко пренебрегает. Стать тем, кто даст ей то, о чем она, возможно, даже боится мечтать.

Я давлю на газ. Машина рычит, врываясь в ночной поток. Улицы мелькают за окном, а у меня в голове уже выстроен четкий, порочный план.

Глава 2

(Аля)

Ну вот, кажется, все готово. Ароматная пена в ванной, легкие духи на коже... и это чертово белье. Самое красивое, что у меня есть. Ажурное, почти невесомое. Надеваю его и чувствую себя такой... обнаженной. И глупой.

Я уже три раза набирала номер Макса и бросала трубку, не дождавшись гудка. А вдруг он на важных переговорах? А вдруг я помешаю? Нет, уж лучше молча ждать. Как всегда.

Потом шелковая сорочка. С тонкими-тонкими бретельками. Она скользит по коже, напоминая о прикосновениях, которых давно не было. Я смотрю на себя в зеркало. Нормальная же девушка, вроде? Не уродка. Так почему же он...

Ладно, хватит. Сегодня все будет по-другому. Я решила. Не буду ныть, не буду закатывать глаза. Поиграю. Сделаю сюрприз. Может, это разбудит в нем хоть что-то, кроме быстрого, дежурного рывка под одеялом перед сном.

Сердце колотится где-то в горле. Глупо, правда? Жена боится и ждет мужа, как первокурсница свидания. Слышу щелчок замка в прихожей. Он!

Вот он, мой звездный час. Делаю глубокий вдох, сбрасываю с одного плеча бретельку, потом с другого... Шелк соскальзывает, обнажая грудь. Прохладный воздух касается кожи, и соски тут же становятся твердыми камешками. Бегу

в прихожую, пытаюсь изобразить томную улыбку.

— Макс, смотри...

И замираю. Вся кровь отливает от лица, потом приливает обратно, обжигая щеки. В дверях стоит не Макс. Стоит он. Свекор. Герман.

Весь мир проваливается в тартарары. Ледяной ужас скывает меня. Я пытаюсь задержать падающую сорочку, поднять бретельки, спрятаться, исчезнуть, но я просто парализована, голая по пояс перед отцом своего мужа.

Он тоже замер. Его взгляд... он лизнул меня взглядом с головы до ног, не отводя глаз. Он пьет меня. Обжигает...

Потом все происходит очень быстро. Я делаю неловкое движение назад, нога подворачивается, и я чуть не падаю. Но он оказывается рядом, его сильные руки ловят меня, прижимают к себе. К твердому, мужскому телу, которое пахнет дорогим парфюмом, холодной ночью и... властью. Такой разный запах, не похожий на Макса.

— Ах, какая... — слышу я его приглушенный, низкий голос прямо у уха.

И тут во мне все взрывается. Дикий стыд. Унижение. Я готова расплакаться. Но... что это? Сквозь весь этот ужас пробивается другая, чудовищная, порочная искра. Теплая волна где-то глубоко внизу живота. Предательская дрожь между ног. Его ладонь на моей голой спине кажется раскаленным железом.

Он видит меня. По-настоящему видит. И в его взгляде нет

насмешки. Там... голод.

И от этого мне еще страшнее. И еще... черт возьми... интереснее.

Глава 3

(Герман)

Вставляю ключ в замок – мой ключ, к моей же квартире. Да-да, формально тут живут они, Макс с Алей, но кто платил за эти метры? Я. Чей это дом на самом деле? Мой. Поэтому у меня и есть свой ключ, чтобы входить, когда захочу, и чувствовать себя хозяином. Всегда.

Тишина. Хорошая звукоизоляция. Или просто здесь действительно пусто.

И тут легкие, торопливые шаги из спальни. Я еще не успел толком войти, как вижу ее.

Алечка.

Вылетает в прихожую, как мотылек. Играет в стриптизершу для мужа. На ходу скидывает эти дурацкие тонкие бретельки с плеч, и шелк падает... Обнажается. Вся такая белая, хрупкая, с двумя аккуратными упругими грудями. Глаза сияют надеждой.

– Макс, смотри...

А потом видит меня.

Боже, это надо было видеть. Весь ее розовый, счастливый мирок разбился о мою физиономию за секунду. Визгивает, хватается за сорочку, пытается прикрыться. Щеки пылают таким стыдом, что, кажется, сейчас дым пойдет. Да она сейчас просто умрет на месте от смущения.

И черт возьми... она прекрасна. Эта паника, этот румянец, эти испуганные глаза-блюдечки.

— Ах, какая... — само вырывается.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Она делает шаг назад, спотыкается, и я ее ловлю. Естественно, ловлю.

Прижимаю к себе. Она дрожит, как пойманная птичка. Такая маленькая у меня в руках. Чувствую каждым нервом ее голую спину под шелком, тепло кожи.

— Тихо, тихо, Алечка... — говорю я, голос сам по себе становится каким-то незнакомо бархатным. — Не стесняйся. Ты же такая красивая...

Она пытается что-то прошептать, извиниться, но у нее только рыдания подступают к горлу.

— Это все для него? — спрашиваю я мягко, но настаивая. Провожу большим пальцем по ее щеке, поднимаю ее залитое слезами личико. — Для Макса?

Она кивает, не в силах вымолвить слово. А потом ее прорывает. Как будто плотина рухнула.

— Он... он такой черствый, Герман Сергеевич... — всхлипывает она, прижимаясь ко мне, и я не отталкиваю. — В постели... только о себе. Быстро, без всяких... ласк. А я... а я и игры придумывала, и так вот... красовалась... а ему все равно!

Каждое ее слово — как подтверждение моей правоты. Восторг и ярость закипают во мне одновременно. Да, сука, он все устроил сам. Отдал такую жемчужину на растерзание

собственного равнодушия.

И в этот момент все окончательно складывается. Это не просто жалость. Это право. Право сильного. Право того, кто знает цену вещам. Она – и инструмент мести, и самый сладкий трофей, который я когда-либо брал.

Решение созрело мгновенно, холодное и выверенное, как бизнес-план.

– Все, хватит, – говорю я уже другим тоном. Тоном хозяйина.

Снимаю с себя кожаную куртку и накидываю ей на плечи поверх этой дурацкой сорочки. Она в ней тонет. И я чувствую, как под тонкой тканью напряглись ее соски. Да, детка, ты уже ответила мне всем телом.

— Едешь со мной.

Это не предложение. Это приказ. Я не жду ответа, просто беру ее за руку выше локтя – твердо, но не больно – и веду к лифту. Она не сопротивляется, идет, как в тумане.

Мой трофей.

Глава 4

(Аля)

Мотор урчит, как огромный кот, а я сижу, зарывшись в его кожаную куртку. Я в ней просто тону. Пахнет им. Не как Макс — одеколоном и баром. Нет. Это запах мускуса, дорогих сигар и просто... мужчины. Сильный, резкий, он проникает прямо в голову, кружит ее. Я поджала под себя ноги, устроилась в этом мягком кожаном кресле, и кажется, если я шевельнусь, мир рухнет. Поэтому не шевелюсь.

Город за окном плывет, огни смазываются в разноцветные полосы. А в салоне темнота и этот убаюкивающий гул. И его тишина. Она тяжелая, плотная.

И вдруг он ее разрывает. Голос тихий, но он режет эту тишину, как нож масло.

— Чего он тебе не давал, Аля?

Я вздрагиваю, не ожидая такого. Смотрю на него, но в полумраке вижу только четкий профиль, руки на руле.

— Чего именно тебе не хватало в сексе? — настаивает он.
— Расскажи еще раз.

И я признаюсь. Словно кто-то выбивает эту правду из моей груди одним выдохом. Я уже опьянена всем этим безумием, стыдом, его курткой на моих плечах.

— Он... он только брал. Всегда быстро. А я.., — глотаю воздух, — а я хочу, чтобы меня... ласкали. Везде.

Произношу это, и готова провалиться сквозь землю. Но его молчание страшнее.

Поворачиваю голову и натыкаюсь на его глаза. И кажется, этим пристальным вниманием он прямо сейчас срывает с меня и куртку, и эту дурацкую шелковую тряпку. Прожигает насквозь. И от этого молчаливого изучающего взгляда у меня внизу живота все сжимается, предательски тепло, а бедра сами по себе сводит. Он ведь мой свекор. Или... Черт. Он в первую очередь мужчина. Который... Ох, думать об этом опасно. Но так чертовски хочется.

Машина ныряет в подземный паркинг, резко холодеет. Он гасит двигатель.

— Сиди, — командует он, выходя. — Босиком же.

Он обходит капот, и дверь открывается. Герман наклоняется, и прежде чем я успеваю пикнуть, его руки уже подхватывают меня. Легко, будто я перышко. Я такая маленькая в его объятиях, а он... могучий, сильный. Я инстинктивно обвиваю его шею руками, прижимаюсь, чувствуя жесткие мышцы под рубашкой.

Лифт возносит нас наверх, в самое небо. У меня слегка закладывает уши. Он не выпускает меня, несет, как трофей. А я и есть трофей.

Двери раздвигаются прямо в его пентхаус. Огромный, холодный весь в стекле. А за окном – ночной город, как россыпь бриллиантов. Он ставит меня на пол, но я все еще держусь за него, ноги как ватные.

И тут меня накрывает. Макс. Он сейчас придет домой. Будет звонить. А у меня... ничего. Ни телефона, ни ключей, ни карточки. Я в этом хрустальном гнезде, в шелковой сорочке и куртке... его отца.

— Даже не думай о нем, — говорит Герман, словно слыша мои мысли. Его голос низкий, уверенный. — Ты не нужна ему, поверь мне, девочка. Весь ваш брак — ошибка. Голый расчет, партнерские соглашения с твоим отцом. Макс не любит тебя.

От этих слов внутри все обрывается. Не потому что это шок — где-то в глубине я всегда это подозревала. Но до последнего цеплялась за другое. За его улыбку перед свадьбой, за редкие моменты, когда он казался нежным. Я ведь красивая, воспитанная, я должна была вызывать желание... сама по себе, а не как приложение к папкам с документами о слиянии. Я так отчаянно надеялась, что он все же разглядел МЕНЯ, а не просто дочь выгодного партнера.

А теперь... Теперь кто-то произнес это вслух. Жестко, без прикрас. И в этом есть странное, унижительное облегчение.

Герман делает паузу, подходит ближе. Медленно. Как хищник, который знает, что добыча уже у него в лапах.

— Но я.. я готов исправить эту оплошность. И надо было это сделать еще тогда. Не того мужа тебе предложили, девочка.

Его пальцы скользят по моей щеке. Холодные, твердые подушечки. Его взгляд голодный, но абсолютно контролиру-

ющий. И я замираю, парализованная не страхом, а порочной ясностью. Он говорит правду. Всю правду. И в мире, где все было ложью, эта правда становится единственной опорой. Единственным, за что можно зацепиться.

Каждое его прикосновение шепчет: не бойся, я буду делать с тобой то, о чем ты мечтала только в самых своих смелых фантазиях.

Он наклоняется, и его губы касаются основания моей шеи. Горячие, влажные. Слышу свой собственный сдавленный стон. И позволяю этому случиться. Его рука скользит по моей спине, прижимает крепче, и я чувствую каждый его мускул, каждое движение этого мощного тела. Голова кружится, ноги подкашиваются. Еще секунда, и...

И вдруг он отстраняется. Резко, как будто ошпаренный. Вернее, не так. Он отстраняется с той же ледяной уверенностью, с какой и начал. Дыхание у него почти ровное, только в глазах бушует черная гроза, которую он сдерживает одной силой воли.

— Нет, — говорит он тихо, почти про себя. — Не сейчас. Не так.

Он поправляет на мне свою куртку, запахивает полы, скрывая мою полу-обнаженность. Действует бережно, но с таким непререкаемым авторитетом, будто пеленает ребенка. От этой властной заботы у меня внутри все сжимается в тугую, дрожащую комочек. Разочарование? Нет, скорее, дикое, невероятное напряжение. Он не бросается на меня, как

голодный зверь. Он... управляет. Даже собой. И особенно мной.

— Ты устала, ты в шоке, — его голос снова обретает стальные нотки. — Иди спать. Вторая дверь направо. Ванная там же, все найдешь.

И тут же, словно по команде, в тишине пентхауса раздается пронзительный звонок его телефона. Он не сводит с меня глаз, достает аппарат, смотрит на экран. На его губах появляется едва заметная, холодная улыбка.

— Да, Макс, — он отвечает, и его голос громогласный, властный, заполняет собой все пространство. Я замираю, прислушиваясь к каждому слову, пока пятками отступаю в указанном направлении. — Аля у меня. В порядке. Приводи в порядок нервы и тот бардак в отчете по поставкам, который ты устроил. Да, я в курсе. Завтра в восемь утра на моем столе должен быть новый, выверенный план. Иначе твоя должность достанется тому, у кого руки не из жопы растут.

Я останавливаюсь в полумраке коридора, прислонившись к холодной стене. Сердце колотится где-то в горле. Он так говорит с ним... Так, будто Макс не сын, а никчемный стажер. И одновременно он только что сказал ему, что я здесь. Сейчас. У него. И ему плевать.

— Нет, — снова говорит Герман в трубку, и его взгляд, тяжелый и горячий, находит меня в темноте. Он видит, что я все еще здесь, что я слушаю. И ему это нравится. — Она ложится спать. Одна. В гостевой комнате.

Он делает небольшую паузу, вжимая меня в стену одним лишь взглядом.

— И да, Макс... Не звони сюда больше сегодня. Ты мне уже надоел.

Герман кладет трубку. Тишина повисает густая, звенящая. Он медленно убирает телефон в карман, его глаза все еще прикованы ко мне. Во мне борются шок, дикий стыд и какая-то тлетворная, запретная гордость. Он поставил на место того, кто унижал меня своим равнодушием.

Он – мой свекор. Это грязно, неправильно, мы оба это знаем. Но почему-то сейчас это чувствуется единственным по-настоящему правильным поступком в моей жизни.

— Спи, Алечка, — говорит он уже тише, но с той же неумолимой интонацией. — Завтра будет новый день.

Я киваю, не в силах вымолвить и слова, и почти бегу в указанную дверь, чувствуя его взгляд на своей спине. Захожу в комнату, закрываюсь, прислоняюсь спиной к двери. Дышу как загнанный зверь. Из гостиной доносится его голос: он уже говорит с кем-то другим, отдает распоряжения, его тон жесткий, бескомпромиссный. Он решает судьбы, управляет миром.

А я здесь, в его власти, в его куртке, которая пахнет им. И тело мое все еще горит от его прикосновений, а в голове стучит одна-единственная, безумная мысль: он мой свекор.

Он страшный, властный, опасный.

И черт возьми, я никогда еще не хотела никого так сильно.

Глава 5

(Аля)

Просыпаюсь от того, что кто-то кричит. Прислушиваюсь – тишина. Оказывается, это в моей собственной голове все еще звенит от вчерашнего. Открываю глаза, и на меня обрушивается... чужой потолок. Высокий, белый, с хромированным светильником, похожим на НЛО.

Сердце колотится, как сумасшедшее. Выдергиваюсь из сна, где я бегу за Максом, а он превращается в Германа, и оба они смеются. Господи.

Вскакиваю, оглядываюсь. Комната роскошная, стильная, бездушная. Как номер в дорогом отеле, где все идеально, но нет ни одной моей вещи. Ни дурацкой мягкой игрушки, подаренной подружкой, ни книжки с закладкой. Ничего.

Только на стуле у кровати его кожаная куртка. Аккуратно висит, словно напоминание. Пахнет им. Вчерашней ночью, его прикосновениями, его властью. Прикасаюсь к холодной коже, и по спине бежит противный, порочный трепет.

Тишина в квартире абсолютная. Мертвая. Значит, он ушел. Оставил меня здесь одну. Как вещь на хранение.

Выхожу в коридор, крадусь на цыпочках, будто в чужом доме. Кто я здесь? Невестка? Пленница? Новая игрушка?

Живот сводит от голода и нервов. Надо найти кухню. А что, если там ничего нет? Или я что-то трону, а это не мне?

Мысли путаются, в горле стоит ком. Я в шелковой сорочке, босиком, без телефона, без денег. Не могу даже доехать до своей же квартиры. Ловушка. Роскошная, но ловушка.

Натыкаюсь на кухню: огромную, блестящую, с панорамным окном в небо. И посреди стола из черного дерева, словно артефакт из другого мира, лежит сумка из бутика, куда я могла бы заглянуть с мужниной кредитки, но не решалась.

Папа свою «миссию» выполнил, выдав замуж с приданым, а Макс считал, что раз уж женился на «нужной» девушке, то и тратиться сверх меры не обязан. Каждая моя покупка сопровождалась его тяжелым, оценивающим взглядом: «Это зачем? У тебя и так полный шкаф». Этот взгляд заставлял чувствовать себя должницей, вечно оправдывающейся за свое существование. Расплачиваться за его равнодушие очередной обновкой было себе дороже.

Рядом – листок.

Подхожу ближе. Почерк размашистый, твердый. Без подписи. Без лишних слов.

«Надень. Завтракай. Жди.»

Вот и весь разговор. Три приказа. Как для собачки.

Открываю сумку со странным чувством вины и любопытства. Внутри полный комплект. От дорогих кружевных трусиков и бюстгалтера до мягчайших кашемировых брюк, свитерочка и балеток. Все моего размера. Вплоть до сантиметра. Цвета – те самые, что я люблю: бежевый, серый, пудровый.

Герман все угадал. От этой мысли становится душно и

жарко. Он не просто смотрел: он сканировал. Запоминал. Присваивал.

Переодеваюсь. Ткань нежная, обволакивающая. Но на душе скребут кошки. Это не подарок. Это амуниция. Униформа для его трофея.

В холодильнике, где все разложено по полочкам, как в музее, нахожу йогурт. Поглощаю его почти машинально, как вдруг раздается звонок в домофон. Вздрагиваю. Курьер. Передает коробку. Открываю: еще одежда, пижама, туфли на каблуке. И телефон. Дорогой, новенький. Включаю. В списке контактов один-единственный номер. Подписан просто: «Герман».

Он везде. Он все предусмотрел. Не появившись, он окружил меня своими вещами, своими указаниями. Я как марионетка, и все ниточки ведут к нему.

Решаю принять душ и смыть с себя вчерашний стыд и сегодняшнюю нервячку. Захожу в гостевую ванную. Вчера, в полуобморочном состоянии, я заметила лишь стерильный блеск. Но сейчас, при свете дня, наступаю на мину.

Сначала вижу крем для рук в изящной баночке. Пахнет чем-то цветочным, навязчивым. Не мой аромат. Потом, за зубной щеткой, которую я вчера в панике не разглядела, на полочке в душе – помада. Ярко-алая, дерзкая. И тут взгляд цепляется за сушилку. На ней небрежно, вызывающе висит пара черных кружевных трусиков. Дорогих. Сексуальных. И явно не новых.

Воздух застревает в горле. Кажется, я даже перестаю дышать. Все встало на свои места. Я не уникальный трофей. Я – логичное продолжение его вечера. Сначала одна, потом... заехал за следующей. Удобно: все в одном месте.

Мой взгляд скользит по стенам. Они видели десятки таких, как я. Сотни. Эта женщина, чьи вещи разбросаны здесь... Она была здесь до меня. Возможно, всего несколько часов назад. На том самом диване, где он сидел вчера. Или на этой самой кровати.

И самое мерзкое – я прекрасно понимаю его право. Герман свободный, богатый, властный мужчина. Кто я такая, чтобы предъявлять претензии? Жена его сына, сбежавшая в шелковом белье? Смешно.

Но от этого осознания не становится легче. Становится только горче. Потому что я – часть этой очереди. И мое место в ней определено ровно до того момента, пока Герману не надоест.

Сжимаю в руке аленькую помаду и чувствую себя последней дурой.

В этот момент слышу щелчок замка. Сердце проваливается в пятки. Может, Макс? Нет. Он.

Герман входит в квартиру. Свежий, собранный, пахнет морозом и дорогим кофе. Я выскальзываю из ванной, иду навстречу. Его взгляд скользит по мне, быстрый, оценивающий. Задерживается на свитере, на брюках.

«В новом. Идет», — будто говорит его легкий кивок.

— Выспалась? — голос ровный, деловой. Ни тени вчерашней хрипоты, того бархата, что обволакивал меня в лифте.

Киваю, не в силах выговорить слово.

— Все подошло?

— Да... Спасибо, — выдавливаю я.

Он проходит на кухню, наливает себе воды. Спина у него широкая, уверенная. Он не сомневается, что все так и должно быть. Что я здесь. В его одежде. И жду его указаний.

И тут во мне что-то обрывается. Помада в руке будто жжет кожу.

— А.. здесь кто-то еще живет? — слышу свой собственный, тонкий, почти писклявый голос.

Он медленно поворачивается. Я разжимаю ладонь, показывая алый свидетель его другой жизни.

Герман подходит. Берет помаду. Его прикосновение холодное. Смотрит на нее с легким, почти незаметным презрением. Затем, не сводя с меня глаз, отправляет ее в урну.

— Нет. Бывают гости. Не всегда аккуратные.

Вот и все. Ни имени. Ни объяснений. Ни «не ревнуй». Просто констатация факта. Да, были женщины. Есть. И будут. А ты, милая, смирись. Или... что? Уйдешь? Куда?

Он поворачивается и уходит в кабинет, оставляя меня одну посреди идеальной кухни. С комом в горле, с ледяной пустотой внутри и с противным, ядовитым чувством, которое отравляет все вокруг. Ревностью.

А завтра на моем месте может оказаться другая. С другой

помадой. И другими кружевными трусиками.

Прямо как у Макса.

Мысль бьет точно в цель. Ведь он даже не приехал. Не вломился с вопросами, не потребовал объяснений, зная, где я. Почему? Неужели его вообще не задело, что я, его жена, среди ночи уехала с его отцом? В чем была, черт возьми?

Или... он просто был занят. Снова. Другой. Его греют другие. Потому он и был всегда таким холодным со мной. Потому ему и не было дела до моих шелковых сорочек и наигранных улыбок.

Но почему? Почему я? Что со мной не так? Я ведь старалась. Была идеальной. Ждала. Любила... Кажется, любила.

А Герман вчера просто сказал это вслух. «Он тебя не любит». Без обиняков. И теперь каждое равнодушие Макса, каждый чужой след в квартире Германа – лишь подтверждает его правоту. Я здесь не потому, что особенная. Я здесь, потому что никому не нужна. Ни мужу, ни... возможно, даже Герману.

И от этой мысли становится так горько и одиноко, что хочется свернуться калачиком на холодном каменном полу и просто исчезнуть.

Глава 6

Сажу на краю кровати в гостевой и чувствую себя полной идиоткой. Что я тут делаю? Серьезно? Муж неизвестно где, а я сажу в пентхаусе у свекра, переодетая в купленную им одежду, и жду... А чего я жду? Непонятно.

Мысль о Максе, холодная и колючая, все не выходит из головы. Он знает, где я. И ему плевать. Это факт. Но сидеть здесь, в этой золотой клетке, пока он, возможно, снова с кем-то... Нет. Так нельзя.

Мне нужно вернуться домой. Увидеть его. Поговорить. Устроить сцену, потребовать ответов. Или просто увидеть в его глазах правду. Любую. Хоть каплю раскаяния, хоть лед равнодушия. Это лучше, чем тлеть здесь в неопределенности.

Решено. Встаю, расправляю свитер. Нужно попросить у Германа ключи от нашей квартиры и вызвать такси. Он, конечно, не обрадуется, но какая разница? Он выполнил свою миссию рыцаря на час, утешил, приютил. Хватит.

Подхожу к его кабинету. Дверь приоткрыта. Стучу легонько костяшками пальцев и заглядываю внутрь.

Он сидит за массивным столом, уткнувшись в экран ноутбука. Свет от монитора выхватывает его волевые черты, подчеркивает седину у висков. Он выглядит... могущественным. Хозяином мира, который решает судьбы по телефону.

И вот я сейчас буду просить у него ключи.

— Герман Сергеевич? — мой голос звучит слабо, почти пискляво.

Он поднимает на меня взгляд. Тяжелый, считавающий. Сразу видно, что он уже в курсе всех моих дурацких мыслей.

— Я.. я хочу домой. Если вас не затруднит... ключи. И можно вызвать такси?

Он откидывается в кресле, складывает пальцы домиком. Молчит. Эта тишина давит сильнее любого крика.

— Тебе там нечего делать, Аля, — наконец говорит он. Спокойно. Как констатируя погоду.

— Как это нечего? Это мой дом! Мой муж! — возмущаюсь я, и голос сам по себе крепнет от этой вспышки. — Я должна с ним поговорить! Я не могу просто сидеть здесь!

— О чем говорить? — его вопрос повисает в воздухе. — О погоде? О новых поставках? Или о том, как он вчера работал сверхурочно?

Я замираю, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

— Что вы хотите сказать? — шепчу я.

Он медленно встает, обходит стол, останавливается передо мной. Слишком близко. Его взгляд прожигает меня насквозь.

— Хочу сказать правду, которую ты так отчаянно ищешь и так боишься услышать. Он не просто тебя не любит, девочка. Он тебе изменяет. Вчера. Лично видел. У него в кабинете. На коленях у него сидела его помощница, брюнетка, и..

— он делает небольшую, но очень красноречивую паузу, — делала свою работу. Потому я и приехал к тебе. Представил, как ты одна, ждешь его, бедняжка, волнуешься, почему он так поздно. А он... он просто трахался там с другой.

Звук его слов — отдаленный грохот, за которым наступает вакуум. Не боль. Еще нет. Сначала — шок. Абсолютный, оглушающий. Потом стыд. Стыд за свою наивность, за эти дурацкие шелковые сорочки, за надежды. И только потом, сквозь онемение, пробивается острая, режущая боль.

Я делаю шаг назад, потом еще один. Поворачиваюсь и почти бегу из кабинета. Не знаю куда. Просто бегу, чтобы убежать от этой картинки, от этого предательства, которое теперь навсегда врезалось в мозг.

— Аля!

Его руки ловят меня в гостиной, возле огромного окна. Он разворачивает меня к себе, его ладони охватывают мое лицо, заставляя смотреть на него.

— Тихо, — его голос низкий, властный, но в нем нет злобы. — Тихо, девочка. Это моя вина. Я допустил это. Женил его на тебе. Думал, твоя красота, твоя невинность... что хоть это его остановит. Надеялся. Но нет.

Его большие пальцы стирают слезы, которые я сама не заметила, как пустила. Он наклоняется, и его губы касаются моих мокрых щек. Горячие, мягкие. Он целует меня, впитывая мое горе, шепчет прямо в кожу, в душу:

— Я все исправлю. Ты такая милая... такая нежная...

Ты заслуживаешь другого. Заслуживаешь ласки. Заслуживаешь, чтобы тебя боготворили.

И я таю. Черт возьми, я таю. Его слова, его прикосновения – это бальзам на израненное самолюбие, на долгие месяцы одиночества. Это та самая ласка, о которой я ему вчера призналась в машине. Тело предает меня, прижимается к нему, ищет опоры и тепла. Я закрываю глаза, позволяя его поцелуям смывать стыд и боль. Еще секунда, и я готова забыть все...

Дзинь!

Пронзительный, знакомый звук. Лифт. Двери раздвигаются.

Я резко открываю глаза, отпрянув от Германа.

На пороге стоит она. Высокая, ослепительная, в облегающем платье цвета спелой вишни. В одной руке – ключ-карта, в другой – дорогая сумка. Ее взгляд, сначала удивленный, скользит с Германа на меня, на мои заплаканные глаза, на его руки, все еще готовые меня обнять. И ее губы складываются в холодную, опасную улыбку.

— Герман, милый, — ее голос сладок как мед и ядовит как цианид. — А это что за трогательная сценка? Не представишь свою пессию?

Глава 7

(Герман)

Вот так всегда. Убери одну проблему и тут же вырастает другая. Только разжег в Алечке тот огонь, что тлел под пеплом ее брака, глядь, а на пороге уже стоит Лина. С ключом. С претензией во взгляде. С глупой уверенностью, что она здесь что-то решает.

Стоит и смотрит на Алю, будто та муха на дорогом gobelene. А Алечка за моей спиной вся сжалась, я чувствую ее дрожь даже сквозь пространство. Глупышка. Боится, что сейчас начнется базар, крики, выяснение, кто чья собственность.

Не дождется.

Лина скалит свои идеальные, за мои деньги отбеленные зубы.

— Герман, милый. А это что за трогательная сценка? Не представишь свою пессию?

Она думает, что удар попал в цель. Что ее появление — как ушат ледяной воды на наш только что разгоревшийся костер. Она не понимает, что ее присутствие здесь — это лишняя растопка.

Я не двигаюсь. Не повышаю голос. Смотрю на нее, и мне почти скучно. Мы оттанцевали этот танец с ней давно. Страсть была жаркой, пока не выгорела дотла. Остались

удобство и взаимная выгода. Она – красивая, неглупая, но аксессуар для светских раутов и постели без лишних вопросов. Я – стабильность, дорогие подарки и статус для женщины, которая рядом с Германом Гордеевым.

Но все имеет срок годности. Ее срок истек ровно в тот момент, когда я увидел в глазах Алечки не выученную пошлость, а настоящую, дикую искру.

— Ключ, — говорю я ровно, протягиваю ладонь. Никаких эмоций. Констатация факта.

Она замирает, красивое лицо искажается обидой. Весь этот год она играла в хозяйку, а я позволял. Удобно было. Но играть – не значит быть ею.

— Ты серьезно? Из-за этой... девочки? — ее взгляд снова скользит по Але, унижает, пытается раздавить. Я вижу, как Але съезживается еще сильнее.

— Ключ, — повторяю я, не меняя интонации. — Ты меня слышала. Он тебе больше не понадобится.

Она с силой швыряет ключ-карту на пол. Звук пластика о камень – как прискорбный шепот, единственный звук, нарушающий тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.